

ИЗ СЛАВГОГО РОДА МОРАХОВСКИХ

Музыка была неотъемлемой частью жизни славного рода Моряховских из Пензы. Служащий городской Думы Владимир Илларионович Моряховский являлся известным гитаристом. Под его руководством в 1890-х годах в Пензе образовался музыкальный кружок, в состав которого вошли также и его дети Мария и Николай (будущее светило пензенской медицины), банковские чиновники Евгений и Василий Мясниковы и известный фотограф Александр Вакуленко. Репетиции и встречи проходили в гостеприимном и просторном доме Моряховских, а местом для концертных выступлений был зал Соединенного собрания по улице Лекарской (ныне Красной).

Теплые, дружеские отношения связывали врача Н.В. Моряховского с выдающимся хормейстером А.А. Архангельским. Письма Александра Андреевича, адресованные своему другу и попечителю, пронизаны словами благодарности и глубокого уважения.

Непосредственным свидетелем многих незабываемых музыкальных праздников в доме Моряховских является средняя дочь врача Варвара Николаевна Моряховская-Брыкина, которой в этом году исполнилось 90 лет. Интервью с профессиональным музыкантом мы сегодня предлагаем нашим читателям.

В 70-х годах XIX века мой дед, В.И. Моряховский, как чиновник городской управы получил земельный участок на улице Нижне-Преображенской и построил там дом для себя, своей молодой жены и малютки дочери Елены.

В этом доме в 1883 году родился наш отец, а впоследствии и все мы — его дочери.

Зимой у нас и у наших знакомых, папиных друзей — врачей Г.В. Алипова и П.Г. Петерсона — устраивались елки, и всех нас, детей, приводили на эти веселые праздники. Кстати, жена Петерсона, Инна Владимировна Быстренина, была известной руководительницей балетной школы «босоножек» (по типу Айседоры Дункан), и от нее у меня остались в памяти несколько томиков Шопена старинного издания с дарственной надписью на одном из них. И Алиповы, и Петерсоны в конце 20-х годов уехали в Москву...

— Варвара Николаевна, расскажите, пожалуйста, о вашем педагоге Н.А. Витвере, который долгие годы возглавлял пианистическую школу в Пензе.

— Он был человеком потрясающей доброты, благородства и скромности. Он был очень привязан к нашему дому, и в начале 20-х годов некоторое время снимал у нас комнату. Его рояль постоянно звучал, так что мы росли под прекрасную классическую музыку. У него никогда не было семьи, были сбой, странно-сти одинокого и одаренного

человека, не приспособленного к быту. Он любил природу, в свободное время уходил в лес, окружавший тогда Пензу на многие километры. Прекрасно знал все окрестности и любил Пензу как свой родной город.

Мои родители так же любили и уважали его, как и он их, всегда старались помочь ему житейскими советами, со вниманием относились к его жизненным проблемам. Например, в конце 30-х годов ему было приказано в короткий срок покинуть Советский Союз и уехать в Швейцарию, так как выяснилось, что у него было швейцарское подданство. Это был для него настоящий удар. Я не знаю, как получилось, что у него не было советского подданства, вероятно, он просто жил, не думая об этом. Уроженец Тверской губернии, он с девятилетнего возраста учился в Московской консерватории и, окончив ее в 1904 году, с рекомендацией В.И. Сафонова, директора консерватории, приехал в Пензу, где и остался жить навсегда. Николай Александрович посещал иногда Москву, где у него были брат и сестра. Брат, Иван Александрович Витвер, профессор экономической географии, преподавал в Московском университете и после смерти Николая Александровича прислал папе свою книгу с надписью «Как другу брата».

История с подданством Н.А. в конце концов уладилась, советский паспорт он получил. Какое-то время после войны он еще работал в училище, но здоровье его с годами слабело. Он терял слух, память. Вообще очень постарел. Но музыка всегда была с ним. Помню, как видела его у нас в последний раз в пятидесятые годы. Он сидел за столом и забавно ел вишни вилкой. Я попросила его сыграть; он ответил, что ничего не помнит, но попросил напеть ему мотив какой-нибудь пьесы. Я напела ему «Посвящение» Шумана — Листа, тогда он сел за рояль и сыграл всю пьесу. Это было за несколько лет до его смерти...

— Ваш отец, Николай Владимирович, заслуженный врач РСФСР, на протяжении многих лет являлся главным врачом больницы им Н.А. Семашко. Несколько слов о родителях.

— Мама моя, Мария Яковлевна Шевченко-Красногорская, была родом из Вятской губернии. Она рано потеряла свою мать и училась в Саратове в гимназии вместе со своей старшей сестрой. Когда сестра окончила гимназию и уехала в Питер, мама переехала в Пензу к своей тетке, З.Д. Агафоновой, и поступила в последний класс гимназии. Зинаида Дмитриевна работала учительницей рисования в гимназии и дружила со старшей сестрой моего отца Еленой Владимировной, которая тоже была учительницей рисования в гимназии. Жили они недалеко друг от друга, часто встречались, и юная моя мама приходила со своей теткой в дом Моряховских.

Никогда не забуду фразу, сказанную отцом в 1954 году, сразу после смерти своей жены: «Увидел я эту рыжеволосую девочку на нашем крыльце и с тех пор никогда ни о ком не думал».

Окончив гимназию, мама уехала в Петербург и поступила на естественный факультет Бестужевских высших женских курсов. Это был 1909 год; в это время мой отец оканчивал медицинский факультет Московского университета. И сразу после его окончания начинающим врачом поехал в Пензу. Между молодыми людьми началась переписка, а в 1912 году они поженились. Три года разлуки

были большим сроком для испытания чувств, и, сожалея, что не удалось закончить высшее образование, мама приехала в Пензу. Она была человеком с большими культурными и духовными запросами, любила литературу и французскую поэзию, и, будучи бабушкой, в сорок пять лет поступила на французское отделение Московских высших заочных курсов иностранных языков. Но Великая Отечественная война не дала ей их окончить. Началась совершенно новая жизнь, и мечта всех людей была едина.

Но вернусь к 1912 году, когда в августе состоялась свадьба родителей. Началась семейная жизнь, через год родилась дочь Лия, а через два с половиной года — я, Варвара, названная в память бабушки Варвары Ивановны Моряховской, незадолго до этого умершей. А тут началась Первая мировая война. Отец в эти годы служил в госпиталях Львова, Винницы и Киева и вернулся только в 1918 году. Я, двухлетняя малышка, по словам мамы, испугалась его заросшего бородатого лица, прижалась к ней и спросила: «Это папочка, а не бука?» Так я познакомилась со своим отцом. В те годы уже шла Гражданская война. Отец сразу начал работать врачом, и мы, дети, его почти не видели. По рассказам, с едой было очень плохо, пшено было гнилое, хлеба мало, а сладкого совершенно не хватало. Но я помню маленькие стеклянные коробочки, в которые нам клали крохотные кусочки сахара. Иногда мы брали кусочек, лизали его и складывали обратно в коробочку. А затем начался нэп, жить стало посытнее. Отец водил меня и Лию на Московскую улицу в кафе-мороженое и угощал нас, все время повторяя: «Не спешите, подождите сначала во рту, не торопитесь». Видимо, боялся простуды. Возможно, это было всего раз или два.

На маму легла вся забота о хозяйстве. Семья была из шести человек, денег не хватало и проблема еды, одежды, учебы и всего остального всегда оставалась насущной. Отец работал в больнице, медицинском техникуме, поликлинике партактива, мы начали заниматься уже французским языком, музыкой (это кроме обычной школы). В особенно тяжелые годы мы, девочки, натирали чесноком корочки черного хлеба и хвастались, что едим хлеб с колбасой. Особенно голодными были 1929 и 1930 годы, время коллективизации сельского хозяйства, борьбы против частной собственности и роста численности городских жителей, так как многие из сел уходили в город.

Все эти годы отец очень много работал, как всегда — для нас, для семьи. Он обожал свою профессию, свою больницу, старался вводить все новое, что было необходимо для ее усовершенствования. Так, в 20-х годах появился рентгеновский кабинет, а в 30-х — физиотерапевтическое отделение. Судить о нем как о враче я могла только по уважению к нему больных, его коллег и просто знакомых. Живя с ним под одной крышей, видела его урывками, почти всегда сосредоточенным и утомленным, помню, что в обращении с нами он был ласков и шутив, и очень редко суров и строг. Отец любил музыку, обладал прекрасным гармоническим слухом. Помню, как он, уже будучи пожилым, садился иногда за рояль и играл очень мягко, сразу аккордами, запомнившиеся ему мелодии или детские музыкальные пьески, например, сонатину Бетховена соль мажор. Слушать его было необыкновенно приятно. В детстве он учился в семинарии и пел в пензенском соборе в архиерейском хоре. На всю жизнь он сохранил любовь к

духовной музыке. Желание быть врачом проявилось у папы очень рано, и он перешел из семинарии в гимназию, чтобы учиться потом медицине. Будучи студентом, он не пропускал концерты Синодального училища и был почитателем хора под управлением А. А. Архангельского. После смерти отца Николай Сергеевич Грачев, который пел вместе с папой мальчиком в соборе, сказал как-то у нас дома: «У Николая Владимировича был дивный дискант», и я запомнила эту фразу. Оказывается, что Николай Сергеевич, когда отец пел соло, держал перед ним ноты, и эта музыка называлась, кажется «исполлатик».

— В вашем отцовском доме постоянно звучала музыка. Лучшие музыканты города, а также гастролеры были частыми гостями Моряховских.

— Наш рояль редко молчал. Играли и учились все — мы, три сестры; наша кузина Галина Борисовна Никольская, обладавшая абсолютным слухом и уже после войны окончившая Московскую консерваторию у Эмиля Гилельса; моя близкая подруга детства Рая Цимринг (позже окончила Институт имени Гнесиных), Ирэна Аристова, впоследствии окончившая Московскую консерваторию по классу Владимира Софроницкого, и многие другие.

Ярким воспоминанием для меня всегда были выступления у нас Анатолия Александровича Яхонтова, солиста Большого театра. Он ежегодно приезжал в Пензу к своим родным и каждый раз приходил к нам в гости и обязательно пел. Голос у него был низкий, бархатный, и пел он арии из опер, романсы и народные песни. У рояля обычно сидел Витвер. Иногда Мария Захаровна Харитоновна, всегда обязательная, украшала эти концерты ариями из своего обширного оперного репертуара. Гостиния бывала заполнена до отказа, да и в дверях толпились домохозяйки, родственники, соседи, желающие послушать замечательных певцов. Это были настоящие музыкальные праздники.

— Как сложилась в дальнейшем ваша судьба и судьба членов вашей семьи?

— В 1930 году в нашей жизни произошла перемена. Я и старшая сестра Лия окончили школу № 4: Лия — 9 класс, я — 7-й. После окончания школы Лия уехала в Ленинград, поступать в университет. В том году в вузы принимали без экзаменов, но только по социальному положению: детей крестьян и рабочих — других не принимали. Тогда Лия поступила в музыкальное училище и на курсы английского языка и только через год смогла поступить в университет на кафедру английского языка.

Старшая моя сестра Ольга и я остались в Пензе и учились: она — в школе, я — в музыкальном техникуме, предварительно закончив музыкальную школу. Техникум я окончила в 1935 году и уехала в Ленинград, где поступила в консерваторию, которую окончила в 1941 году. Государственные экзамены были у нас в июне, как раз тогда, когда началась война. В тот год к нам не приехал, как обычно, председатель экзаменационной комиссии профессор Московской консерватории К.Н. Игумнов, и его заменил Д.Д. Шостакович.

Во время войны в Пензе собралась вместе вся наша семья. Я и моя сестра Лия эвакуировались из Ленинграда в августе 1941 года вместе с Екатериной Ивановной Протопоповой, застрявшей тогда у дочери в Ленинграде, а также с моей школьной подругой Ниной Михайловной Молебной (Агекян), с которой обе мы в детстве учились у Екатерины Ивановны. (Когда к нам в город

однажды приехал Луначарский, мы с ней играли в специально организованном для него концерте вальс Чайковского из балета «Спящая красавица» на два рояля.) Ехали мы до Пензы в «телячьем» вагоне 13 дней. Там были устроены нары, на которых мы спали, много было трудностей, но и смешного тоже. Екатерина Ивановна очень мужественно вела себя во время всего пути, и в конце концов мы добрались до дома.

Отец в эти годы целиком посвящал себя лечению больных и раненых в госпиталях Пензы. А наша мама просто заявила, что если немцы подойдут к Пензе, то она уйдет в партизанки. Но, слава богу, не случилось ни того, ни другого, и мама ограничилась тяжелой общественной работой в качестве «передвижной библиотеки». Она носила в госпитали в обеих руках кипы книг, которые получала в библиотеке им. Лермонтова. Некоторое время по окончании войны она еще продолжала эту деятельность, снабжая библиотечными книгами больницу им. Семашко.

Лия преподавала английский язык в пединституте, ездила с коллективом на лесозаготовки, а после войны снова уехала в Ленинград, где на кафедре английского языка в Ленинградском университете, будучи кандидатом филологических наук, проработала до 1995 года. Младшая сестра Ольга поступила в Пензенский пединститут на филологический факультет, а закончила свое образование уже в Московском университете, после чего работала в Институте русского языка Академии наук до конца своей научной деятельности, защитив сначала кандидатскую, а потом докторскую диссертацию как диалектолог.

А я с осени 1941 года начала работать концертмейстером в только что организованной Федором Петровичем Вазерским опере и всегда с удовольствием вспоминаю тот энтузиазм, с которым Ф. П. собирал певцов, хор, оркестр. Это было трудно, хотя все старались ему помочь. Мне приходилось сидеть в оркестровой яме и поддерживать на фортепьяно звучность оркестра, так как оркестрантов было мало. Несмотря на все эти трудности, опера развивалась, и после первой премьеры «Царской невесты» шли «Русалка», «Евгений Онегин», «Риголетто», «Паяцы», «Севильский цирюльник», «Демон» и другие оперы. Солистами были незабвенная М.З. Харитоновна, Н.С. Грачев, И.М. Гневышева, Н.И. Мельников, С.И. Попова (Из-за трудностей с театральными костюмами в те годы Софье Ивановне пришлось пять сцену письма Татьяны в моей ночной рубашке, достаточно нарядной для такого случая.), а также многие другие энтузиасты, дававшие в эти тяжелые годы большую радость людям, которые с удовольствием ходили на наши спектакли. Кроме того, мы регулярно выступали с концертами в военных частях и в госпиталях Пензы. У меня сохранилась даже Почетная грамота Комитета по делам искусств при Совнаркоме СССР и ЦК профсоюз работников искусств СССР за культурное обслуживание частей Красной Армии, Военно-Морского флота и войск НКВД в период Великой Отечественной войны.

С апреля 1944 года, в протяжении полувека живу в Москве, преподавала фортепиано в Музыкальной школе им. Игумнова. Наш пензенский дом после смерти родителей и сестер отца был продан, и наше семейное гнездо закончило свое существование.

Беседу провел Нораир Егоян (Пенза)

Рос. муз. газета. — 2006. — № 4-5. — с. 9

Моряховская Варвара Николаевна
1911-5/105-06
10мп - мамд